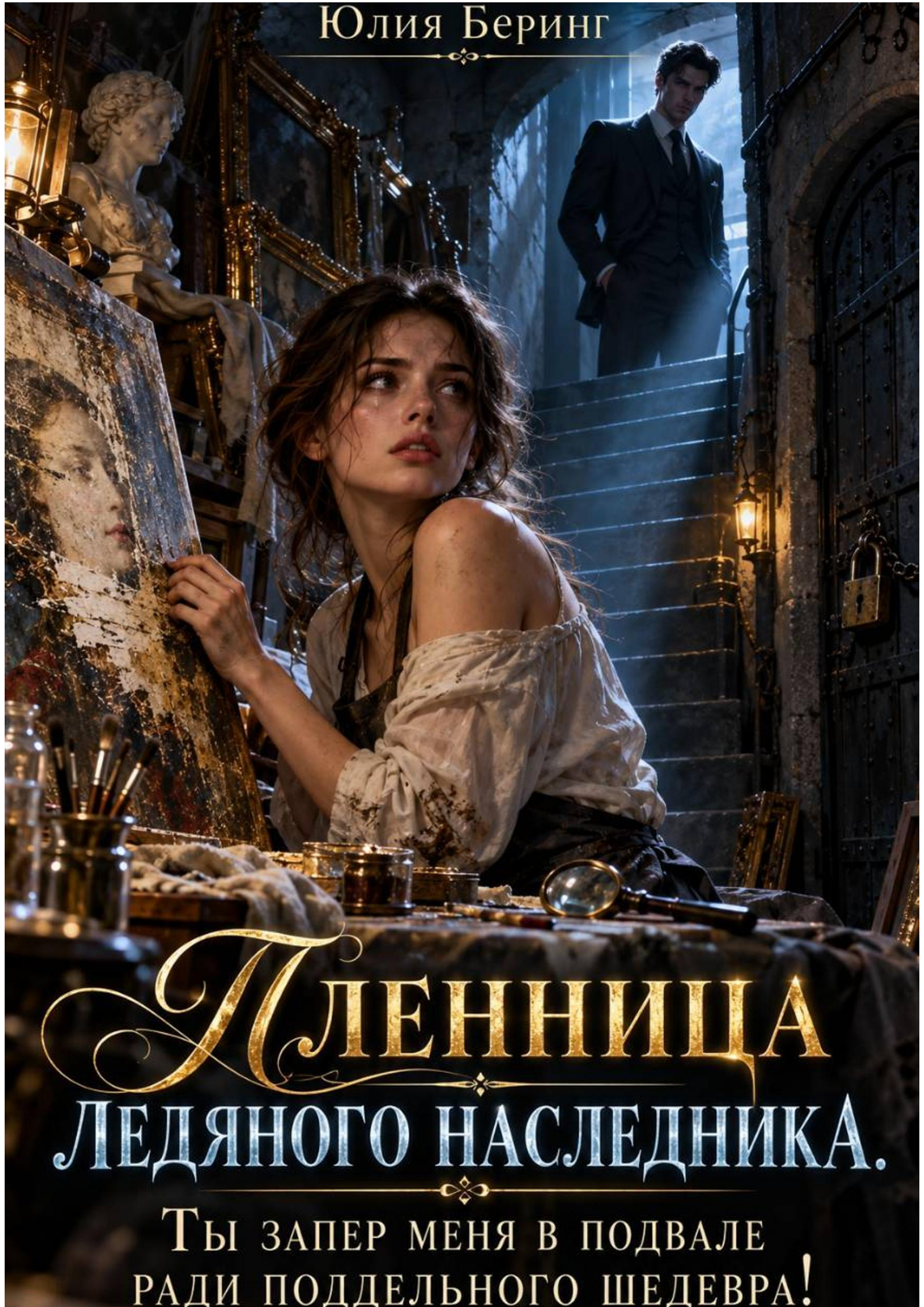

Юлия Беринг

ПЛЕННИЦА ЛЕДЯНОГО НАСЛЕДНИКА.

ТЫ ЗАПЕР МЕНЯ В ПОДВАЛЕ
РАДИ ПОДДЕЛЬНОГО ШЕДЕВРА!

Юлия Беринг

**Пленница ледяного наследника.
Ты запер меня в подвале
ради поддельного шедевра!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Пленница ледяного наследника. Ты запер меня в подвале ради поддельного шедевра! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную Академию реставрации, чтобы стать художником. Но жестокий наследник Максим Волков намеренно сбросил на меня бесценную картину.— Ты испортила шедевр, Алина. Теперь будешь отрабатывать долг! Он забрал мой паспорт, запер в подвале и заставил ночами восстанавливать полотно. Без сна. Без нормальной еды. С руками, разъеденными растворителями. А богатая соперница смеялась над моими страданиями. Но однажды я обнаружила страшную тайну. Картина оказалась подделкой! Семья Максима годами продавала фальшивые шедевры. А настоящий оригинал украли из коллекции моей семьи! Теперь у меня есть доказательства. Он хотел сделать меня своей игрушкой. Но я уничтожу его империю и верну себе свободу!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Беринг

Пленница ледяного наследника. Ты запер меня в подвале ради поддельного шедевра!

Глава 1

Утро пахло сыростью и дешёвой краской для волос. Я стояла перед главными воротами Академии Реставрации «Святой Елены», сжимая в потных пальцах рюкзак, который был старше меня самой. Внутри — портфолио, которое я собирала три года, вырывая часы из сна и еды. Снаружи — мир стерильного белого мрамора и людей, чьи кошельки толще моих учебников.

Мне нужно было просто войти. Просто показать пропуск. Просто доказать, что я достойна того места, за которое мне пришлось торговаться с судьбой и брать кредиты под бешенные проценты. Но жизнь любит шутить над теми, кто слишком сильно надеется.

Пропуск остался на тумбочке в общежитии. Забыла. В спешке, от страха опоздать, забыла всё человеческое, кроме одного: знания имён.

Охранник, гора мышц в форме, даже не посмотрел на меня.

— Пропуск, девушка. Или уходим.

— Я первокурсница, Алина Волкова. Группа реставраторов-первогодков. Меня ждёт куратор Максим Александрович. Позвоните ему. Он подтвердит мою личность через базу данных студентов. Если вы сейчас позвоните ректору или его сыну, вам зададут вопросы о вашей компетентности в проверке списков. Вы хотите объяснять это перед началом учебного дня?

Его лицо дёрнулось. Бюрократия здесь была религией, а страх перед начальством — её евангелием. Он достал телефон. Пока он набирал номер, я видела, как в зеркале входной группы отражается моя бледность, мои растянутые джинсы и ботинки, подошва которых уже начала трескаться от влаги.

Проход открыли. Достав папку из рюкзака, я прижала её к груди. Но внутри меня ждала другая ловушка.

В коридоре, ведущем к мастерским, воздух был пересушен кондиционерами, работающими на полную мощность. Толпа студентов текла рекой дорогих сумок и безупречных укладок. И тут плечо Виктории, дочери ректора, ударило меня так, будто она специально выбирала точку опоры.

Папка с портфолио вылетела из рук. Листы бумаги рассыпались по полированному полу, как белые голуби, которых поймали за крылья.

— Ой, прости, — голос Виктории был сладким, как яд. Она даже не остановилась. Только повернула голову, позволяя мне увидеть презрение в её идеально покрашенных глазах. — Ты такая... незаметная. Совсем не смотришь по сторонам, бедняжка.

Студенты вокруг хмыкнули. Кто-то достал телефон. Ставки на то, сколько я пробуду здесь, уже шли. Дни? Часы? Я молча присела на корточки. Пальцы дрожали, когда я поднимала листы. Запах чужого парфюма — дорогого, цветочного, удушающего — смешался с пылью пола. Каждый поднятый лист был ударом по моему самолюбию, но я собирала их аккуратно, стягивая пачку резинкой, которую носила на запястье как талисман. Не плакать. Ни за что не плакать при них. Слезы здесь — валюта слабых.

Я вошла в мастерскую реставрации, чувствуя себя грязным пятном на белом холсте.

На пороге главного зала лежало стекло. Не осколки витрины, которые упали сами собой. Это была аккуратная лужа разбитого стекла, раскиданная посреди прохода, ведущего к цен-

тральному столу с инструментами. Кто-то специально оставил эту мину. Чтобы проверить, наступит ли «новенькая».

Преподаватели уже собрались у дальней стены. Их взгляды были холодными, оценивающими. Они ждали реакции. Ждали крика, слёз, просьб о помощи.

Я посмотрела вниз. Мои ботинки стояли меньше, чем один флакон растворителя на столе. Но я шагнула вперёд. Подошва хрустнула, впиваясь остриями осколков в кожу через тонкую ткань носков. Боль была острой, неожиданной, но я не сбавила шаг. Я прошла по стеклу, оставляя едва заметные следы крови на белом кафельном полу, и вышла в центр круга. Тишина стала оглушающей. Я была грязной, пораненной, но живой угрозой их стерильности.

И тогда я увидела его.

Максим Александрович. Капитан этого тёмного флота. Высокий, в идеально сидящем костюме цвета ночного неба, он сидел на краю огромного дубового стола, болтая ногами. В руках он небрежно держал картину эпохи Возрождения. Рамка была массивной, золочёной, тяжёлой.

Он смотрел прямо на меня. Его глаза были ледяными озёрами, в которых не было ни капли тепла, только любопытство хищника, наблюдающего за мышинной борьбой.

— Интересный вход, Волкова, — произнёс он тихо. Голос бархатный, обволакивающий. — Слишком много боли для первого дня. Тебе нравится внимание?

Не дожидаясь ответа, он резко развернул кисти. Картина соскользнула.

Это было сделано нарочно. Идеальная физика падения, рассчитанная так, чтобы цель оказалась прямо под ней. Прямо надо мной.

Инстинкт спасения артефакта оказался сильнее инстинкта самосохранения. Я не успела отскочить. Я сделала единственное, что мог сделать реставратор: попыталась смягчить удар, поймать предмет грудью и руками, пока он не коснулся пола.

Картина врезалась в меня с силой тарана. Золочёная рама вонзилась в предплечье, разрывая кожу. В треснувшем углу рамы торчал осколок стекла — теперь он резал предплечье, входя глубже в кожу. Под тяжестью рамы я опустилась на колени и уложила картину на бедра. Крик вырвался из горла раньше, чем я поняла, что делаю. Боль была белой вспышкой, ослепляющей, всепоглощающей. Но мои руки не разжались. Я прижала картину к себе, чувствуя, как тёплая кровь стекает по локтю, капает на полотно.

Тишина в зале стала звенящей.

Максим прыгнул со стола. Медленно. Он подошёл ко мне, наклонился, рассматривая порез на моём предплечье и капли крови на углу картины.

— Ты испортила лак своим потом и кровью, — констатировал он. Без злобы. Просто факт. Как диагноз. — Дорогой материал. Очень дорогой. И ты, кажется, решила стать его частью.

— Это... случайность, — прошептала я, задыхаясь от боли. — Я пыталась спасти...

— Спасти? — Максим усмехнулся. Эта улыбка была страшнее любого крика. — Ты думаешь, этот мир работает на принципах милосердия, Алина? Ты сломала имущество мецената. Ты нарушила технику безопасности. Ты создала хаос. Полиция будет рада такому исходу. Отчисление, судимость, чёрная метка в биографии. Никто больше не возьмёт тебя на работу. Никто.

Смех аудитории начал нарастать. Виктория хлопала в ладоши, изображая аплодисменты спасению искусства от варварства. Другие студенты переглядывались, некоторые доставали телефоны, снимая окровавленную девушку на полу. Правда здесь не имела веса. Вес имел только статус. А мой статус был равен нулю.

Рядом со мной остановилась медсестра, протягивая марлю. Но прежде чем я успела взять её, взгляд Максима скользнул мимо меня. К одному из учеников, стоящих в тени колонны. Даня — так его окликнули у входа. Парень с лицом, изуродованным шрамами, прижимал к

грудь тубус с чертежами. Он сделал шаг вперёд, его рука дёрнулась, готовая помочь мне встать или перевязать рану быстрее, чем это сделает равнодушная медсестра.

Но Максим перехватил его взглядом. Всего секунда. Взгляд стал тяжёлым, давящим. Даня замер. Он опустил глаза, отступил назад, прячась в тень. Страх в его глазах был понятен каждому. Это была демонстрация власти. Никто не поможет тебе, потому что никто не смеет.

Изоляция стала страшнее физической боли. От холода кафеля меня затрясло. Я вырвала марлю у медсестры, сама прижала её к ране, игнорируя жалость в её глазах. Мне не нужна жалость. Мне нужен выход.

Максим наклонился ближе, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Пахло дорогим табаком и металлом.

— У нас есть два пути, — сказал он так тихо, что слышала только я. — Первый: полиция, иск о возмещении ущерба в размере годового бюджета твоего города. Второй: сделка.

— Какая сделка? — спросила я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Ты остаёшься. Но не студенткой. Ты становишься моей собственностью, пока не восстановишь полотно своими руками. Работа в подвале. Ночи без сна. Растворители вместо обеда. Если справишься — верну паспорт и ключи. Если нет... останешься должницей навсегда. Твоя семья заплатит. Или сядет. Выбор за тобой, грязная мазилка.

Он улыбнулся. Ледяно. Красиво. Жестоко.

Я посмотрела на него. На его идеальный костюм, на спокойные руки, которые только что уронили шедевр. И вдруг я поняла кое-что другое. Когда он говорил о деньгах и полиции, его пальцы чуть заметно дрогнули. Не от злости. От паники. Он боялся потерять контроль над вещами больше, чем над людьми. Его жестокость была не властью. Она была защитой. Щитом, за которым прятался человек, который сам был в клетке.

Эта тайна дала мне рычаг. Маленький, крошечный, но мой. Я запомнила это. Запомнила дрожь в его пальцах, которую никто другой не увидел.

— Я согласна, — сказала я. Голос не дрогнул.

Максим кивнул, словно ожидая именно этого ответа. Он забрал у меня рюкзак, вытащил паспорт и ключ от комнаты. Бросил их в карман своего пиджака, а рюкзак вернул. Медсестра наконец забрала у меня раму и положила картину на стол.

— Добро пожаловать в ад, Алина. Здесь холодно. Привыкай.

Он отвернулся, направляясь к выходу, оставляя меня на полу среди осколков стекла и собственной крови.

Он забрал мой паспорт, но я забрала его тайну: он дрожал. И я знала, что однажды заставлю его дрожать так же сильно, как сейчас дрожали мои руки от боли.

Глава 2

Белый свет канцелярских ламп резал глаза, превращая мир в плоскую, стерильную картинку. Я стояла перед стойкой секретариата так долго, что у меня затекли колени, но ноги отказывались слушаться. В горле пересохло, словно я глотала пыль с дорожек академии.

— Мне нужен бланк заявления о восстановлении документов, — повторила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У меня нет паспорта, потому что его забрал студент Максим Волков. Это незаконно.

Секретарь, женщина с лицом, похожим на застывший воск, даже не подняла глаз от монитора. Её пальцы с длинными акриловыми ногтями продолжали стучать по клавиатуре. Тик-так. Тик-так. Звук капающей воды в раковине где-то в глубине кабинета становился невыносимо громким.

— Вы должник, Алина Волкова, — произнесла она ровным, лишенным интонаций тоном. — Внутри стен Академии Реставрации «Святой Елены» вы не имеете гражданских прав. Пропуска тоже нет. Очередь для обслуживания должников закрыта.

— Но я хочу обратиться к ректору! Я прошу справедливости!

Она наконец посмотрела на меня. Холодно, оценивающе, как смотрят на испорченный экспонат.

— Справедливость стоит денег, девушка. А у вас их нет. Идите в подвал или на улицу. Выбор за вами.

Я развернулась, чувствуя, как внутри всё скручивает от бессилия и злости. Коридоры академии шумели, как улей. Студенты проходили мимо, обсуждая новые коллекции и вечеринки в загородных домах. Их одежда была безупречной: кашемир, шёлк, дорогая кожа. Моя же рубашка — единственная чистая вещь, которую я нашла в сумке утром — висела на мне мешком.

И тут произошло это.

Кофе брызнул в лицо горячими каплями. Резкий запах арабики смешался с чем-то приторным, парфюмерным. Я отшатнулась, прикрывая глаза рукой, и увидела Викторию. Дочь ректора стояла прямо передо мной, держа в одной руке стаканчик из модной кофейни, а другой поправляя идеально уложенные локоны. Она даже не пыталась скрыть улыбку.

— Ой, прости, — сказала она сладко, делая шаг назад, чтобы никто не заметил, как она специально толкнула меня плечом. — Ты такая... незаметная. Как пятно на картине.

Вокруг нас уже собиралась толпа. Смех был тихим, но острым, как лезвие скальпеля. Кто-то достал телефон. Вспышки камер вспыхнули, ослепляя. Я чувствовала, как липкая жидкость стекает по щеке, попадает в воротник, холодит кожу. Мокрая ткань прилипла к телу, подчеркивая худобу, дешевизну ткани, мою нищету.

Виктория не просто смеялась. Она демонстрировала власть. Она использовала свой социальный капитал как оружие, показывая всем: моё тело, моя униженность — это часть её шоу. Для неё это было развлечением, игрой в «королеву». А для меня — публичное клеймение.

— Грязная мазилка, — прошептала она, наклонившись к уху ближайшей подруги, но так, чтобы я слышала. — Даже мыться не умеет.

Я сжала кулаки до побелевших костяшек. Хотелось кричать, плакать, броситься на неё. Но вместо этого я просто отвернулась и пошла к выходу. Нужно было выбраться отсюда. Найти hostel, написать заявление в полицию, позвонить адвокату. Любому юристу. Любой помощи.

Но путь к стеклянным дверям главного выхода был перекрыт. Двое охранников в черной форме стояли как скалы. Они не трогали других студентов, пропускали всех, кто имел пропуск или статус. Меня они остановили молча, положив руки на грудь.

— Приказ господина Волкова, — буркнул один из них, глядя поверх моей головы. — Ни шагу наружу. Пока долг не будет урегулирован.

Ладонь охранника толкнула меня назад. Я отступила, прижав локти к бокам: через них не пройти. Я была в ловушке. Не метафорически, а буквально. Стены академии стали клеткой.

Отчаяние привело меня к кабинету Макса. Я знала, где он находится, потому что видела табличку над дверью, когда тащилась сюда после того, как он забрал мои вещи. Кабинет находился в полумраке коридора третьего этажа, отделанный темным деревом и кожей.

Я ворвалась туда, не постучав.

Максим сидел за огромным столом из красного дерева. Он медленно помешивал чай в фарфоровой чашке, даже не взглянув на меня. Запах сигарет и дорогих духов ударил в нос, вызывая тошноту.

— Ты посмела? — мой голос сорвался на визг. — Верни паспорт! Или я вызову полицию!

Максим поднял глаза. Его взгляд был ледяным, спокойным, абсолютно равнодушным к моему гневу. Он поставил чашку и открыл папку, лежащую перед ним.

— Полиция? — усмехнулся он. — Пожалуйста. Только сначала прочти это.

Он протянул мне документ. Бумага была тонкой, дорогой, с водяными знаками. Я схватила её дрожащими руками. Верхняя часть документа была заполнена аккуратным почерком моего отца. Подпись. Печать нотариуса. Дата три года назад.

«Договор дарения имущественных прав и обязательств... Передача авторских прав на реставрационные методики в счет погашения долга перед семьей Волковых...»

Мир качнулся. Пол под ногами стал мягким, как болото.

Это не было ошибкой. Это не было случайностью. Мой отец не был жертвой обстоятельств. Он не просто потерял работу или попал в долги из-за болезни. Он продал меня. Он продал мой талант, мои руки, моё будущее ради того, чтобы закрыть свои финансовые дыры. Он сделал меня товаром.

— Твой отец был очень умным человеком, Алина, — сказал Максим, наблюдая за тем, как рушится моя реальность. — Он понимал цену твоего дара. Жаль, что ты не понимаешь своей цены.

Образ семьи, который я берегла все эти годы, рассыпался в прах. Чувство предательства было настолько сильным, что физически болело в груди. Я считала себя жертвой системы, но оказывалось, что я была жертвой собственного отца. Преданной собственной кровью.

— Что тебе нужно? — спросила я тихо. Голос звучал чужим.

— Работать, — ответил он. — В подвале. Ночами. Восстанавливать то, что сломано. И подписать NDA. Если откажешься — иск против твоей матери будет запущен завтра. Ты станешь банкротом, а твоя семья окажется на улице.

Выбор был иллюзией. Честный путь закрыт навсегда. Гордость сталкивалась с необходимостью выжить. Я выбрала жизнь, но теряла свободу.

— Где ручка?

Максим улыбнулся. Ледяной, хищной улыбкой. Он достал перьевую ручку, но не протянул её мне. Вместо этого он указал на осколок стекла, который лежал на краю стола. На нём темнело засохшее пятно. Он сохранил стекло от той рамы — сувенир с моего первого дня.

— Кровь надежнее чернил, — сказал он. — Подпиши здесь. И здесь.

Руки дрожали, когда я взяла осколок. Боль была острой, пронзительной. Одна капля крови упала на бумагу. Вторая. Я прижала окровавленный палец к строке имени. Красное пятно растеклось, как цветение маков на белом снегу. Максим расписался своей ручкой и отдал мне второй экземпляр с приложенным уставом. Я убрала его в рюкзак. Контракт был готов.

Я вышла из кабинета, чувствуя пустоту внутри. На лестнице меня ждал Даня. Тихий чертёжник с лицом в шрамах. Он стоял в тени, сжимая в руке маленький металлический предмет. Ключ. Запасной выход.

Он увидел меня и сделал шаг навстречу. Его глаза, обычно потухшие, сейчас светились надеждой. Он хотел помочь. По-настоящему.

Но прежде чем он успел протянуть руку, из-за угла выскочил охранник. Грубо, с презрением толкнул Даню в плечо. Парень споткнулся, чуть не упал, ключ вылетел из его пальцев и со звоном покатился по полу.

— Слепой червь, — процедил охранник, глядя на Даню сверху вниз. — Хватит путаться под ногами. Иди рисуй свои схемы в угол.

Даня замер. Его лицо исказилось от боли и унижения. Он посмотрел на меня, потом на ключ, потом снова на меня. В его глазах читалась мольба. Не о себе. О том, чтобы я взяла этот шанс.

Но я поняла. Помощь Дани бесполезна и опасна для него самого. Система ломает тех, кто пытается быть добрым. Если я возьму ключ, его выгонят. Может, избьют. Может, сделают хуже.

Я отвела взгляд. Оттолкнула его руку, которая тянулась ко мне. Не из жестокости. Из страха. Из любви к нему, которая только зарождалась в этом аду. Я не могла позволить ему разрушить свою жизнь ради моей.

— Иди, Даня, — прошептала я.

Он подобрал ключ, опустил голову и исчез в тени коридора.

Когда я вернулась к Максиму за своим «призом», он уже ждал. Он бросил мне куртку. Тяжелую, мужскую, пахнущую табаком. Следом положил на стол железный ключ от подвала. Я убрала его в карман куртки.

— Надень, — приказал он.

Я не сопротивлялась. Куртка была велика, рукава свисали, но она была теплой.

Максим подошел ближе, наклонился к моему уху. Его дыхание обожгло кожу.

— В подвале холодно, Алина. И там нет окон. Привыкай дышать моим воздухом.

Эти слова ударили сильнее любого крика. Мысль, которая раньше казалась абсурдной, теперь стала ужасающей реальностью. Картина была приманкой. Он не хотел денег. Ему нужен был человек, который физически не может уйти, потому что привязан к месту преступления. Его садизм — это способ изолировать идеального исполнителя от внешнего мира, создав «стерильную камеру» для своих грязных дел. Он не враг закона, он архитектор тюрьмы.

Я посмотрела на свои руки. Кончики пальцев были липкими от крови, оставленной на контракте. В кармане куртки лежал не паспорт, а тяжелый железный ключ от подвала. Холодный металл давил на бедро.

За спиной раздался смех. Виктория проходила мимо, ведя за собой компанию поклонников. Этот звук больше не резал уши болью. Теперь он звучал глухо, как похоронный звон по той Алине, которая верила в честный труд и силу правды.

— Я не мазилка, — шепнула я себе, но голос дрогнул. Я почувствовала, как внутри что-то умерло, чтобы дать место чему-то другому, более твердому и опасному.

— Я инструмент, — завершила я фразу, и впервые за два дня перестала бояться холода.

Глава 3

Дверь захлопнулась с лязгом, от которого у меня заложило уши. Свет погас мгновенно, словно его вырвали из реальности грубой рукой. Темнота не просто окутала — она навалилась сверху, давя на грудную клетку, заставляя сердце колотиться где-то в горле. Я рванулась назад, впиваясь ногтями в шершавый металл. Заперто. Снаружи. Это не мастерская. Это клетка.

В темноте я сделала шаг и поскользнулась. Под подошвой кроссовок хлюпнуло что-то липкое и холодное. Не вода. Запах ударил в нос резкой химической нотой, смешанной со сладковатым гниением. Растворитель? Кровь предыдущего должника? Меня замутило так сильно, что ноги подкосились. Здесь пахло смертью старых вещей и дорогим табаком Макса — смесью, от которой тошнило до дрожи в пальцах. Это место, где ломают людей, прежде чем они успевают понять, почему.

Сверху послышался скрежет. Кто-то спускался. Инстинкт кричал: «Прячься!». Я метнулась за стеллаж с мусором, вжимаясь спиной в грязные доски, ожидая удара или насмешки. В замке повернулся чужой ключ; дверь открылась, впуская свет лестницы. Тени удлинились, и знакомый цокот каблуков разрезал тишину. Виктория. Она остановилась ровно там, где кончались ступени.

— Для собачки, — её голос был мягким, как яд.

Пакет приземлился в лужу рядом со мной. Шуршание пластика, звон стекла о бетон. Потом короткий, звенящий смех, эхом отражающийся от стен, и удаляющиеся шаги. Дверь снова захлопнулась; над верстаком загорелся аварийный фонарь. Она не видела меня, но знала, что я здесь. Унижение стало частью быта, как пыль на полках.

Голод сводил желудок судорогой, переплетаясь со злостью. Я выползла из укрытия, трясущимися руками открыла пакет. Просроченный йогурт с вздутыми крышками и черствый хлеб, крошащийся в труху. На дне лежала сложенная вдвое бумага. Записка Макса: «Ешь. Ты нужна мне живой, а не трупом». Циничная забота, которая ранит сильнее побоев. Моё тело принадлежало ему даже тогда, когда оно отказывалось принимать эту подачку. Но голод — деспотичный хозяин. Я заставила себя проглотить кусок хлеба, чувствуя вкус черствой корки и собственной грязи во рту.

Я подошла к картине. Редкое полотно эпохи Возрождения лежало на верстаке, бледное в слабом свете аварийного фонаря. Инструменты были разбросаны хаотично, сломанные скальпели валялись рядом с ржавыми гвоздями. Мне нужен был один, тонкий, для снятия лака. Рука соскользнула, наткнувшись на острую кромку жестяной банки. Боль вспыхнула ярче света. По пальцу потекла кровь, капнув прямо на холст.

Я замерла. Капля красного пигмента расплылась по старому полотну, и вдруг... это выглядело органично. Как часть истории. Как слеза времени. Впервые за сутки страх отступил перед профессиональным интересом. Картина «плакала» кровью, и я понимала её язык лучше, чем язык своих тюремщиков.

Резкий щелчок выключателя ослепил меня. Максим стоял в дверях, скрестив руки на груди. Его глаза скользили по моей окровавленной руке, затем по пятну на холсте. Лицо было пустым, но хищным. Он сделал шаг ближе, требуя объяснений молчанием.

Я промокнула каплю чистой салфеткой, не растирая её по лаку.

— Под красной лессировкой виден другой оттенок, — мой голос дрожал, но слова звучали четко. — Мне нужны целые инструменты, а не ржавый мусор. Хотите вернуть картину — дайте мне работать.

Это был первый момент, когда я перестала быть жертвой. Я бросила вызов его интеллектуальной жестокости, став экспертом, а не рабыней.

Максим усмехнулся. Не злобно, а почти уважительно. Он молча положил на стол новый набор инструментов — стерильных, блестящих, идеальных. И маленький ключ от внутреннего замка двери.

— Если снова испачкаешь холст кровью — вырежу пальцы, — сказал он тихо. — Работай.

Он ушел, оставив дверь приоткрытой. Ключ означал не свободу, а возможность выйти в туалет или взять воду. Но глядя на инструменты, я поняла главное: его жестокость имеет структуру. А значит, есть правила игры. И я могу их обыграть.

Старый ключ открывал наружный замок, но не снимал ночной засов охраны. Новый позволял запирается от посетителей. Я закрыла дверь изнутри на этот ключ. Щелчок замка прозвучал громче всех оскорблений за последние дни. Этот замок теперь принадлежал мне. Я посмотрела на свои окровавленные руки и безупречные инструменты.

«Хорошо», — прошептала я в темноту, которая больше не была глухой стеной, а стала фоном для моей первой картины. Где-то наверху, в золотых покоях, Максим, возможно, уже жалел, что не сломал меня сразу. Но было поздно. Тень начала расти.

Ночь я так и не проспала: остаток её ушёл на подготовку к первой картине. А утром выяснилось, что для работы не хватает одного флакона, который добыть можно было только в лаборатории общего пользования.

Лаборатория общего пользования пахла не химией, а деньгами. Стерильная белизна столешниц, хромированные ручки шкафов и тишина, в которой каждый звук — от щелчка выключателя до шороха бумаги — резал уши. Я пришла сюда за одним флаконом. Всего за одним. Но для Алины из глубинки даже воздух в этом месте был чужим, как и я сама.

Виктория стояла у двери, скрестив руки на груди. Её кашемировый свитер стоил больше, чем моя стипендия за семестр. Она не просто блокировала путь; она прилюдно ставила меня на место. Вокруг уже собрались зеваки — студенты третьего курса, те, кто ещё вчера делал вид, что меня не существует.

— Грязные руки не имеют права касаться элитных материалов академии, — её голос был мягким, ледяным и громким достаточно, чтобы слышали все. — Ты же понимаешь, да? Это для людей с именем, а не для... должников.

Я молча прошла мимо. Не оглядываясь. Мои пальцы дрожали так сильно, что пришлось сжать кулаки, впинаясь ногтями в ладони. Гнев жег горло, но я проглотила его. Если я отвечу, они получат повод. А мне нужен реагент. Просто взять и уйти.

Флакон стоял на верхней полке. Я потянулась к нему, кончики пальцев коснулись холодного стекла. И в тот же миг Виктория резко ударила плечом по полке. Стекло звякнуло, разлетаясь на осколки прямо над моей головой. Жидкость — прозрачная, пахнувшая миндалем и смертью — хлынула на пол, растекаясь темной лужей под моими кедами.

— Ой! Какая неуклюжесть бедняков, — Виктория захихикала, прикрыв рот рукой, но глаза её блестели от азарта. — Убирай. Голыми руками. Пока не придёт уборщик. Иначе ты заплатишь штраф. Весь свой долг.

Тишина стала осязаемой. Я посмотрела вниз. Осколки поблескивали, как крошечные алмазы в грязи. Медленно, чувствуя, как колени предательски слабеют, я опустилась на пол. Ладонь тут же наткнулась на крупный кусок стекла. Боль была острой, чистой и мгновенной. Теплая кровь потекла по запястью, смешиваясь с реагентом.

Я начала собирать осколки. Один за другим. Кровавые пальцы скользили по мокрой плитке. Мне было больно физически, но еще сильнее болело самолюбие. Я чувствовала взгляды: жалость одних, презрение других. Я была животным, загнанным в угол перед публикой.

— Алина, не надо, — тихий голос Дани раздался совсем рядом. Он сделал шаг вперед, протягивая свою руку, чтобы отвести мою ладонь от крупного осколка.

Виктория развернулась, преграждая ему путь своим плечом.

— Уроды не должны трогать чистоту, — процедила она, глядя на шрамы, покрывающие половину лица Дани. — Иди своей дорогой, чертёжник. Или хочешь тоже порвать себе лицо?

Даня замер, опустив голову. Его плечи напряглись, но он не двинулся. Я увидела, как он сжал челюсти, готовясь принять удар ради меня. И в этот момент внутри меня что-то оборвалось. Хватит. Хватит быть жертвой, которая тянет за собой других.

Резко отведя руку Дани от своей ладони, я толкнула его назад, в безопасность коридора.

— Уходи, — прошипела я сквозь зубы, не поднимая глаз от пола. — Это моя грязь. Моя работа.

Даня отступил, но его глаза, полные бессильной ярости, остались со мной. Мы обменялись этим взглядом через плечо Виктории. Невидимая нить между нами натянулась до предела. Я защитила его ценой собственного комфорта, и это было самым честным поступком за весь день.

Когда последний осколок был убран, я поднялась. Рука пульсировала, кровь капала на белый халат. Я посмотрела прямо в глаза Виктории. Не плакала и не просила ни о чём. Просто смотрела.

Виктория достала телефон. Камера блеснула вспышкой.

— Смотрите, — она показала экран группе студентов, которые теперь снимали на свои устройства. — Моя новая собачка научилась ползать. #SlutOfTheAcademy. Забавно, правда?

Мир сузился до точки на экране телефона. Я рванулась вперед, вырывая гаджет из её рук. Экран светился уведомлением: «Опубликовано». Виктория выдернула телефон обратно, царапнув мой палец. Уже поздно. Информационная война проиграна. Меня увидят тысячи людей, которых я никогда не встречала. Они будут смеяться. Они будут обсуждать мою униженность.

Но я сохранила лицо. Перед собой.

— Прекрасная постановка, — голос раздался от дверного проема. Холодный, бархатный, узнаваемый. Максим.

Глава 4

Он вошел, не торопясь. Взгляд пробежал по залитому полу, по окровавленной руке, по лицу Виктории, сияющему довольством. Затем остановился на мне.

— Порча имущества академии, — констатировал он сухо. — Стоимость реагента и ремонт покрытия будут вычтены из вашей стипендии. Поскольку у вас нет денег, вы отрабатываете сверх нормы в подвале. Субботы и воскресенья включительно. Без выходных. До полного погашения долга.

Я сжала зубы, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Это ловушка. Ловушка, прикрытая словами о правилах и долгах.

— Хорошо, — сказала я. Голос дрогнул, но слова были четкими.

Максим улыбнулся. Знакомой улыбкой, от которой мурашки бегут по спине. Он знал о видео. Ему нравилось, что оно существует. Оно закрепляло мой статус. Я была не просто студенткой, я была вещью, которую можно сломать и выбросить.

Вечер превратился в кошмар изоляции. Когда я вернулась в общежитие, дверь комнаты захлопнулась перед моим носом. Ключ по-прежнему оставался у Максима; в деканате это называли «проверкой» — ложь, которую мы все понимали. Из-за тонкой двери доносился смех. Тихий, мерзкий смех соседок, которые боялись меня. Боялись «заразы», которую я принесла после контакта с Викторией и Максом.

Я сидела на холодном линолеуме коридора, прижимая раненую руку к груди. Обморок был близок. Голова кружилась от потери крови и боли. Вокруг было темно и тихо, только где-то далеко капала вода. Я была одна. Абсолютно, тотально одна. Ни дома, ни друзей, ни будущего. Только долг и боль.

Ночью я спускалась в подвал. Шаги отдавались гулом в пустых коридорах. Дверь в мастерскую открылась раньше, чем я успела постучать.

Максим ждал. Он не кричал. Не требовал оправданий. На столе лежали бинты, антисептик и стерильные салфетки.

— Сядь, — приказал он.

Я села на табурет, чувствуя, как тело отказывается слушаться. Максим подошел ближе. Запах его дорогого парфюма — сандал и что-то горькое, металлическое — заполнил пространство. Он взял мою правую руку, ту, что была исполосована стеклом. Его пальцы были холодными, но движения аккуратными. Почти нежными.

Он протирал раны антисептиком, и я шипела от боли, но не отдергивала руку. Он накладывал бинт слой за слоем, стабилизируя кисть.

— Виктория — просто игрушка, — прошептал он, не глядя на меня. Его голос звучал в тишине подвала, как шепот змеи. — Она думает, что играет роль хозяйки положения. Но она лишь отражение того, что я позволяю.

Он закончил бинтовать и не отпустил запястье. Его большой палец медленно скользнул по внутренней стороне предплечья, туда, где билась жилка. Пульс ускорялся под его прикосновением. Страх смешивался со странной, тошнотворной близостью.

— Ты теперь знаешь, кто держит нити, Алина, — продолжил он, поднимая глаза. В них не было тепла. Только собственнический холод. — Не гладь мою тень. Иначе я сотру тебя полностью.

Его жестокость была формой контроля. А эта помощь... Это не милосердие. Это метка. Он хочет, чтобы я была целой, но принадлежала только ему. Чтобы моя боль была его болью, а моя сила — его инструментом.

— Завтра ты будешь реставрировать портрет моей матери, — сказал он тихо, наконец выпуская мою руку. — Если ошибешься хоть в одном мазке, я расскажу всем, почему ты дей-

ствительно здесь. Не за деньги. А за то, что ты сделала три года назад. За попытку проникнуть в архив после похорон отца.

Я замерла. Воздух вышел из легких. Откуда он знает о том дне? Я искала папину последнюю работу, а директор музея назвал меня воровкой. Мама тогда забрала заявление, чтобы не губить мне будущее. Неужели и это дошло до Волковых?

Он улыбнулся, повернулся спиной и пошел к выходу. Дверь закрылась, оставив меня в темноте, с перевязанной рукой и осознанием, что клетка стала теснее.

Остаток ночи я провела в темноте, прижав перевязанную руку к груди и прокручивая слова о портрете матери. А утром мастерская встретила меня новым ударом: мой набор кистей лежал на полу переломанным.

Мои руки дрожали, но не от холода. От бессилия.

Я сидела на полу мастерской, среди обломков того, что еще вчера было моим главным инструментом — набором кистей для тонкой реставрации. Щетина была вырвана с корнем, деревянные ручки переломаны пополам, как спички. Я пыталась склеить самую тонкую кисть суперклеем из аптечки, которую мне разрешили оставить в подвале. Капля застыла мутным пятном на кончике ворса.

Я прижала инструмент к учебному холсту, на котором пробовала ретушь для портрета матери Макса. Краска свернулась комком, не ложась ровным слоем. Грубая химия убивала деликатную работу быстрее, чем время.

«Нельзя», — прошептала я себе, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна ярости. Лобовая атака не работала. Я не могла просто взять и починить то, что сломали специально. Это требовало ювелирного подхода, которого у меня больше не было.

Дверь скрипнула. Не резко, а с отвратительным, медленным стоном, который я уже научилась ненавидеть.

Виктория вошла первой. За ней, как стая глупых щенков, притопали две девочки с её курса. Она остановилась ровно посреди комнаты, где валялись мои инструменты, и посмотрела вниз. На меня. На осколки.

— Ого, — протянула она, и в её голосе звенели колокольчики издевки. — Грязная мазилка даже не умеет держать инструмент? Или ты решила, что можешь экономить на материалах академии, Алина?

Она сделала шаг вперед. Её каблук хрустнул по деревянной ручке кисти. Потом еще один шаг. И еще. Каждый удар превращал остатки моего набора в пыль. Я смотрела на это, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до крови. Боль была реальнее унижения.

Виктория присела на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне. Её духи пахли дорогим ванильным парфюмом и ядом. Из кармана своей безупречной юбки она достала лист бумаги и положила перед моими коленями.

— Подпиши, — велела она. — Акт о порче имущества по небрежности. Ты сама разбила свои инструменты, когда пыталась работать «в стиле бабушкиного огорода». Если не подпишешь... ну, Максиму будет очень неприятно узнать, что его собственность саботирует процесс реставрации. Ты же знаешь, какие у него методы работы с предателями?

Это была новая форма войны. Бюрократическая ловушка. Если я откажусь, меня обвинят в умышленном вредительстве. Если подпишу — стану виноватой в собственной нищете.

Я подняла глаза на Викторию. Горло перехватило спазм. Голод и стыд смешались в одну тошнотворную массу. Но я молчала. Просто покачала головой. Дрожащей, слабой головой.

Виктория усмехнулась, будто ожидала этого.

— Как хочешь, собачка.

Громкий топот шагов в коридоре заставил всех вздрогнуть. Дверь распахнулась полностью. Максим стоял на пороге. Его тень легла поверх моих рук, поверх разбитых кистей, поверх Виктории. Он не смотрел на соперницу. Только на меня. Холодно. Безэмоционально.

— Срок сдвигается, — констатировал он, глядя на испорченный холст. — Инструменты непригодны. Значит, работа приостановлена.

Он сделал два шага внутрь. В его руках была моя единственная рабочая перчатка. Толстая, резиновая, она хоть немного защищала кожу от растворителей.

Максим бросил перчатку в открытую мусорную корзину рядом со столом. Резина глухо шлепнула по дну. Он придавил её сверху грязной тряпкой с растворителем — доставать теперь было нечего.

— Если ты не можешь работать чисто, Алина, работай голыми руками или не работай вообще, — произнес он ледяным тоном, от которого у меня сводило челюсти. — У тебя есть выбор.

И он вышел. Оставив меня наедине с Викторией, которая хихикала, собирая обломки, и с пустыми, незащищенными руками.

Глава 5

Ночь в подвале пахла плесенью и горьким миндалем растворителей.

Я работала пальцами. Кожа на кончиках пальцев уже начала шелушиться, краснеть, а потом трескаться. Каждая капля скипидара, попадающая в ранку, вызывала ожог, сравнимый с кипятком. Я шипела сквозь зубы, стараясь не ронять капли на чистый участок холста. Ретушь требовала точности, а я давала ей только боль.

Слева, в углу, гудела вентиляционная шахта. Тихий, монотонный звук, ставший частью моей жизни.

Вдруг гул изменился. Стал тише.

Я замерла, боясь дышать. Медленно повернула голову.

Из решетки шахты торчала рука. Бледная, худая, с длинными пальцами. В руке был маленький пакетик из крафт-бумаги.

Даня.

Он не говорил ничего. Не просил разрешения. Просто держал руку там, ожидая.

Я колебалась. Принять помощь от изгоя означало нарушить правила изоляции. Показать слабость. Признать, что я нуждаюсь в нем. Но боль в руках стала невыносимой. Пульсация совпадала с биением сердца.

Я протянула дрожащую руку и схватила пакет. Даня тут же отдернул пальцы, исчезнув в темноте трубы.

Я развернула бумагу на коленях. Внутри лежала узкая коробка со старыми кистями. Ручки были потертые, дерево местами черное от времени, но щетина цела. Натуральная, мягкая, упругая. Рядом с кистями в пакете лежала маленькая жестяная баночка. Я открыла крышку. Запах трав, воска и чего-то сладкого — самодельный смягчающий крем.

Он добрался сюда, пока остальные спали. Принёс то, чего мне не давали даже за работу до рассвета. И не потребовал ничего взамен.

Я намазала крем на кровоточащие пальцы. Жжение сразу сменилось приятной прохладой. Слезы, которые я сдерживала весь день, наконец полились. Не от боли. От облегчения.

Но радость была короткой.

Я взяла новую кисть и попробовала провести линию по темному пигменту на пробнике. Ворс оказался слишком мягким. Слишком пушистым. Он не давал четкого контура, размывал границу, оставлял лишнюю влагу. Для этой конкретной картины, с её специфической текстурой, эти кисти не подходили. Они были хороши для живописи маслом, но не для нашей сложной реставрационной игры.

Злость ударила в голову сильнее, чем усталость. Даня дал мне бесполезный инструмент? Или насмешку?

Я швырнула кисти обратно в коробку. Решительно. Жестко.

В этот момент из вентиляционной шахты донесся тихий стук. Три раза. Ровных, ритмичных удара.

Тук. Тук. Тук.

Я замерла. Посмотрела на решетку. Там никого не было видно, только чернота трубы. Но я поняла: он слышал мой жест. Он знал, что кисти не подошли. И он стучал не чтобы утешить. Он стучал, чтобы я остановилась. Чтобы я посмотрела внимательнее.

Я достала кисти из коробки. Аккуратно. И начала изучать их ручки.

Под светом лампы, в самой глубине деревянного основания одной из кистей, я увидела едва заметную трещину. Не дефект. Скрытый карман.

Я нажала на неё ногтем. Дерево щелкнуло. В отсеке оказалось пусто; я уставилась на решётку.

— Утром, у колонны, — едва слышно сказал Даня. — Я вынул то, что было внутри. Здесь нельзя.

Больше он не проронил ни слова: лишь тихий скрежет решётки — и вентиляционная шахта снова стала пустой. До рассвета оставалось несколько часов, и всё это время я думала о клочке холста, который Даня прятал у себя.

Утро встретило меня серым светом коридоров академии. Я шла в мастерскую, пряча коробку с кистями под куртку. Руки все еще болели, но теперь эта боль была другой. Знающей.

Даня ждал меня у колонны. Он выглядел изможденным. Синяки под глазами стали темнее, одежда висела мешком. Когда я подошла ближе, он не отвел взгляд, хотя обычно избегал прямого контакта.

— Кисти не подходят, — сказала я тихо, но жестко. — Ты хотел, чтобы я провалила работу?

Даня молчал. Потом медленно поднял руки. Ладони вверх.

На его коже тоже были красные пятна. Химические ожоги. Свежие. Такие же, как у меня.

— Эти кисти принадлежали твоему отцу, — сказал он одним предложением. Голос его был хриплым, сорванным. — Я нашел их в архиве «Скелетов».

Мир качнулся. Я схватилась за холодную стену, чтобы не упасть.

— Что? — выдохнула я.

— Твой отец работал здесь раньше. До того, как исчез. До того, как стал «предателем» в глазах Максима. Он оставил эти инструменты. Специально. Для тех, кто сможет понять их язык.

Гнев сменился ужасом. Любопытство грызло изнутри, сильнее голода. Даня рисковал всем. Своим здоровьем, своим статусом, своей жизнью. Ради чего? Чтобы дать мне связь с прошлым? Или чтобы использовать меня?

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я, чувствуя, как голос срывается. — Если ты боишься Макса, если ты такой же жертва, почему не молчишь?

Даня посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было жалости. Было какое-то странное, почти болезненное узнавание.

— Я не помогаю тебе, Алина, — ответил он спокойно. — Я помогаю картине. Она хочет быть спасена. А ты — единственный человек, который слышит её плач.

Он сунул руку в карман и достал крошечный фрагмент холста. Размером с ноготь. Пожелтевший от времени, но сохраненный идеально.

— Внутри ручки кисти, в скрытом отсеке, было спрятано вот это. Твой отец положил туда доказательство.

Я взяла клочок ткани. Пальцы дрожали. На обратной стороне, там, где никогда не было краски, виднелась подпись. Мелкая, аккуратная, выполненная тушью.

Почерк моего отца.

Но я перевернула холстик и посмотрела на угол. Там, почти незаметно, была написана дата. Год.

Это был год после смерти моего отца. Или чья-то поздняя пометка — я ещё не знала, сделаны ли дата и подпись одной рукой.

Кто-то научился его стилю. Или...

— Отец жив? — прошептала я, и слово повисло в воздухе, тяжелое, как камень.

Даня не ответил. Он лишь коснулся моей руки, быстро, как будто боясь обжечься, и развернулся, исчезая в тени коридора.

Я осталась одна, с клочком истории в окровавленной ладони. Вопрос, страшнее любой боли, поселился в груди. И я знала: теперь я буду рыть тоннель наружу. Даже если придется делать это голыми руками.

Я вышла из мастерской поздно ночью, сжимая клочок холста так, что он промок от ладони. Уснуть удалось с трудом: в голове крутился вопрос, на который Даня так и не ответил. Дальше дни слились в одну сплошную смену — портрет, новые заказы, новые долги, — и я почти не заметила, как приблизился день экзамена.

Прошло полгода. Портрет матери Макса я закончила ещё осенью, но паспорт мне не вернули: каждый новый заказ прибавлял новый долг. Теперь передо мной экзаменационная работа.

Воздух в Мастерской №4 густой, как варёное сгущённое молоко на медленном огне. Пахнет старым деревом, скипидаром и чьим-то дорогим парфюмом — сладким, удушающим запахом победы. Это запах Виктории. Она стоит у окна, поправляя безупречный лацкан своего пальто, и бросает на меня взгляд, полный скуки. Для неё я не человек. Я пятно на её идеальной картинке дня.

— Алина Волкова, практический экзамен, тема: снятие поздних лаковых слоёв с портрета графини Остен, конец XVIII века, — голос декана Мельникова звучит монотонно, но каждый слог режет тишину, как скальпель. — Используйте только сертифицированные растворители из кабинета. Никакой самостоятельности. Вы не художник, вы реставратор. Ваша задача — сохранить, а не творить.

Я киваю. Моё сердце колотится где-то в горле, отбивая ритм страха и азарта. Полгода подвала научили меня главному: если они хотят видеть тебя рабыней, стань машиной. Если хотят видеть грязную мазилку — стань хирургом.

На столе передо мной закреплён наклонный настольный мольберт с холстом. Портрет маленький, интимный. Лицо женщины скрыто под толстым слоем потемневшего лака, который превратил её кожу в желтоватую маску времени. За сданный экзамен Мельников обещал разрешение поработать в учебном архиве. Там могли быть сведения о папиных кистях. Я всё ещё носила его холстик с чужой датой в потайном кармане.

Я беру тампон. Обычный, ватный, белый. Декан требует «щадящих» средств. Этиловый спирт плюс мягкий гель. Они говорят, это безопасно для оригинала. Но проба на кромке вчера показала другое: водный гель оставлял белёсое пятно и не снимал тёмный налёт. В подвале я подобрала состав на отдельном образце, проверила его под лупой и записала время контакта. Маленький флакон лежит у меня в кармане. Работает, но в экзаменационный список его не включили.

Запрещено. Строго запрещено правилами академии.

Пока Мельников отвернулся, проверяя журнал посещаемости, мои пальцы, привыкшие к скорости, действуют быстрее мысли. Я незаметно смачиваю второй тампон, спрятанный в кулаке, своим составом. Смесь пахнет едко, химически. Я прижимаю его к уголку лакового слоя. Тампон мгновенно пропитывается, становясь полупрозрачным. Первый касательный удар. Лак начинает размягчаться, отдавая тёмные тона на белую вату. Это работает. Это красиво. Это опасно.

— Смотри, как она возится, — слышу я шепот за спиной. Голос Виктории, ленивый и язвительный. — Будто пытается стереть пятно со школьной формы зубами.

Я не оборачиваюсь. Фокус. Только фокус. Второй слой. Третий. Мои руки дрожат, но не от холода, а от напряжения мышц. Кожа на кончиках пальцев уже начинает краснеть от контакта с реагентом. Боль становится частью процесса.

И тут происходит то, чего я ждала, но не могла предугадать.

Виктория подходит ближе. Слишком близко. Её туфли на каблуках цокают по деревянному полу, создавая нервный ритм. Она останавливается ровно напротив моего стола. Я чувствую движение воздуха, когда она делает шаг назад, «случайно» задев локтем край банки с чистым спиртом, стоящей рядом с моими инструментами.

Банка падает.

Время замедляется. Прозрачная жидкость выплёскивается на незащищённый участок холста, прямо на лицо графини. Спирт мгновенно проникает в структуру краски, грозя размыть контуры глаз, разрушить столетнюю память.

Глава 6

Кричать? Плакать? Просить помощи? Нет. Инстинкт спасателя сильнее страха. Я не думаю. Я действую телом.

Рывком подаюсь вперёд, прижимаясь щекой к холодному дереву мольберта. Другой рукой хватаю чистую салфетку и подхватываю стекающий спирт у нижней кромки. Не растереть. Не дать ему разнести размягчённый лак по лицу. Я промокаю пятно короткими касаниями, меняя сухие участки ткани. Со стороны кажется, будто девушка целует картину в агонии: губы почти у самого полотна, дыхание горячее, сорванное.

Тишина в зале становится звенящей. Кто-то хихикает.

— Что она делает? — спрашивает кто-то.

— Паникует, — отвечает другой голос. — Дыханием спасает работу. Гениально.

Шаги. Тяжёлые, уверенные. Они приближаются к моей спине, нарушая личное пространство так грубо, что у меня сводит челюсти. Запах табака и мяты. Максим.

Он наклоняется. Его губы почти касаются моего уха, но он не целует. Он шепчет, и его слова падают в мой мозг, как камни в колодезь:

— Ты пахнешь страхом и скипидаром. Это отвратительно. Посмотри на себя. Животное в клетке, пытающееся заглушить боль собственным дыханием. Тебе нравится быть жалкой?

Мои плечи напрягаются до предела. Каждая мышца хочет дёрнуться, оттолкнуть его, закричать. Но я помню урок подвала. Его слова — это белый шум. Стена. Я не отвечаю ему. Я продолжаю промокать холст, не отводя глаз от кромки влажного пятна. На салфетке остаётся лак, но не цвет живописи. Мои руки остаются идеально стабильными, несмотря на то, что Максим сейчас стоит вплотную, наблюдая, как я унижаюсь ради сохранения его собственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.